

Чтобы выжил... Чтобы жил...

- Я так благодарен своим однополчанам, с которыми прошел дорогами войны за то, что они не раз спасали мне жизнь, – вспоминает Геннадий Иванович Прокуров, ветеран Великой Отечественной войны. - Ну, куда меня послать, на какое боевое задание, если я метр пятьдесят два ростом, если винтовка выше меня? Вот потому-то и берегли меня старшие товарищи, насколько возможно, - вспоминает воздушный десантник образца 1944 года.

В ноябре 1943 года Геннадий Прокуров был призван в армию. Полгода в учебном полку. Три учебных прыжка с парашютом, курсы снайперов. А вот в боевой высадке поучаствовать так и не довелось. Вслед за десантировавшейся за Днепром 25-й воздушно-десантной бригадой должна была высадиться и 20-я, в которой служил Геннадий. Получив полное десантное снаряжение, сухпаек и боекомплект для кратковременного боя, бригада с вечера ожидала сигнала на вылет. Никакого волнения перед первым боем «с неба – на землю» у юного солдата не было. В четыре часа утра поступила команда отбоя. Место высадки было раскочерчено врагом, и десантников, по донесению разведки, ожидал очень не радушный прием...

Вскоре после этого воздушно-десантная бригада была переформирована в стрелковую с подразделениями мобильного реагирования. С западного берега Днепра, очищенного от гитлеровцев, эшелонами была дислоцирована бригада до венгерского города Надькереш. Небольшой отдых - и ночные 50-километровые марш-броски к Будапешту и далее, к Балатону. Переходы скрытные, значит, минуя населенные пункты и без дорог. Тяжеловато приходилось 18-летнему парню - небольшого роста, недокормленному с детства из-за бедности в семье - с полной боевой выкладкой скорым маршем поспевать за однополчанами. И только на пятую ночь, измотанные и усталые, заняли стрелки позиции второй линии фронта. Бой за венгерский Балатон, шедшие зимой 1944-1945 годов, называют еще «вторым Сталинградом», настолько кровопролитны и упорны они были. Геннадий Иванович рассказывает об этом периоде своей жизни без бахвальства: «Мы же во второй линии вынужденной обороны были, нас не атаковали. А вот на передовой – там немец пер во всю мощь. Только уже не та была наша армия - и артиллерии, и танков, и самолетов хватало. Бомбили и нас, но мы успели хорошо укрепиться, основательно обжились. Те, кто воевал в 42-м, говорили: «Эх, тогда бы такую силу!». Долгое противостояние в Балатонской операции привело к разгрому вражеской группировки, выходу из войны и капитуляции верного союзника Германии – Венгрии. Вслед за наступающими войсками двигался и 302-й полк 98-й стрелковой дивизии Геннадия Прокурова.

Потом была Австрия, Германия, снова Австрия, Чехословакия. Скорые эти передвижения, где на захваченных машинах, а то и пешком, не оставили особой зарубки в памяти: деревенскому парню все было в диковинку, везде надо нос сунуть. Одергивали старшие товарищи: «Мины же кру-

гом! Куда лезешь? Успеешь, насмотришься еще, если жив будешь».

- Зато в Чехословакии так радостно и радушно нас встречали! – рядовой Прокуров улыбается, вспоминая былое. – Народ стоял вдоль дорог с цветами, продуктами и одеколоном, что интересно. Я сидел с краю в открытой легковушке, так мне всю руку отдергали, и еще три дня я одеколоном пах. А ведь до этого мы месяцами не мылись, поборвались в походах и, чего греха таить, вшей ковшиками собирали. А вот это чешское: «Наздар, Руда Армада!», то есть «Да здравствует Красная Армия!» – запомнилось на всю жизнь.

О своем военном везении Геннадий Иванович рассказывал просто и с улыбкой. Ранение, о котором, по его словам, и рассказывать-то нечего, было «случайным»: недалеким взрывом мины вместе с комом грязи шлепнуло его по шее маленьким осколком. Отряхнул грязь, ни боли не почувствовал, ни крови не увидел сгоряча. Комроты по прозвищу Ваня Курский, заметив окровавленную спину бойца, перевязал рану, как умел, велел отправляться в санбат. «Да стыдно с такой раной-то, отстану, где вас искать потом?» – отнекивался раненый.

Рана оказалась неглубокой, но воспалилась от грязи. Через две недели стала подниматься температура. Сбежал на отдыхе к медикам, что расположились недалеко, рану обработали, больному дали место в палатке. Сбежал...

- Вот за это ранение, за то, что раненым не покинул ряды бойцов и был я представлен к медали «За отвагу». Какие у меня подвиги? Не о чем особо рассказывать... Вот такой случай расскажу - не для печати. Рота по тревоге была поднята для выполнения срочного задания. Было это недалеко от города Баден-Баден. «Прокуров, остаешься в расположении», – безапелляционно заявил комроты Ваня Курский. Я чуть не плачу: «Товарищ лейтенант, да как же это? Что я, дефективный какой? Вы пойдете медали заслуживать, а мне здесь отсиживаться?». Голос командира был тверд: «Приказ непонятен, что ли? Вот тебе тазик с луком, поплачь над ним, чтобы весь очищен был! Выполнять, рядовой!». Из боя того вернулся не все: один был принесен убитым, другой тяжело раненым. «Иди, прости с товарищем. И радуйся, что не на его месте лежишь, парень», - сказал командир.

А парень этот до сих пор благодарен своим однополчанам за то, что живым остался...

- Опекали и берегли меня, наверное, за внешнюю шуплость и малый рост. Бывалым и опытным 25-летним бойцам я казался чуть ли не сы-

ном полка, – делится догадкой Геннадий Иванович. – Да оно и понятно, если припомнить, что при прыжках с парашютом меня относил ветром дальше всех. Пока соберу парашют, пока добегу до места сбора, все уже поспать успевали, – смеется десантник. - Это я потом заматерел да вытянулся, в мирное время службы, на харчах хороших.

Первого мая 1945 года рота была на марше, впереди полка, не давая уйти в Австрию, занятую союзниками, вооруженным колоннам гитлеровцев. Догоняли и били. Подходили к границе Чехословакии и Австрии.

- Не доходя километров трех до американских блокпостов, наблюдаем такую картину: длинная колонна машин, повозок, кухонь. На обочине лежат и сидят немцы, сушат обувь и одежду, на палках у них белые флажки привязаны – сдаются. Это потом чехи рассказали, что больше суток непрерывным потоком американцы принимали колонны, в три ряда по шоссе шли машины с солдатами, танки и артиллерия, а этих, интендантов, не пропустили. - Задумался на минуту ветеран и высказал предположение: – Союзники с двойным дном были, «друзья» эти сильно себе на уме. В ночь, второго мая, когда уже разоружили и приняли хоздвор, объявлено было об окончании войны...

Выстроил своих бойцов комбат и сказал: «Двадцать семь вас, ребята, всего осталось из целого батальона. Так что каждый будет представлен к награде». И орден «Отечественной войны» засиял на правой груди рядового Прокурова.

- Американцы приходили к нам в гости посмотреть, что это за красноармейцы такие, – продолжает Геннадий Иванович. – Сами они чистые, холеные, а мы оборванные, небри-

тые, но счастливые. Мы смотрели на них с таким превосходством, что недолго погостили у нас союзнички, видно, неловко им было. Тоже ведь не дурак, этот американец-то рядовой, понимал, что к чему в этой политике.

Самым главным праздником Геннадий Прокуров считает День Победы.

- Я считаю героями таких ребят, как мой старший брат, погибший под Ленинградом, миллионы таких героев, как он. А меня, видно, оставили жить за них...

И жил, и работал на совесть. Никто дурного слова не скажет. В первых вскрышных работах при разработке качканарского месторождения участвовал машинист экскаватора Геннадий Прокуров и остался верен профессии и Качканарскому ГОКу до самой пенсии.

- Желаю всем работникам комбината здоровья и трудовых успехов! – поздравил с наступающим юбилеем Победы своих коллег Геннадий Иванович. - Чего еще пожелать? Успешного освоения новой техники, сложной, мощной, производительной! Ведь как ни крути, а работа ваша на благо Родины. С Победой вас, ребята!

Василий Верхотуров

P.S. Что касается заслуженной медали «За отвагу» рядового Прокурова, об этом говорит такой документ: «Приказ по 302 Гвардейскому полку, 98 Краснознаменной СД № 620/Н, от 11 мая 1945г. От имени Президиума Верховного Совета СССР награждаю автоматчика Прокурова Г.И. за героизм в бою за город Пухберг, где он лично из своего оружия уничтожил четырех немецких солдат. Гв. подполковник Козьмин».